

ВТОРАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «SOFT POWER: ТЕОРИЯ, РЕСУРСЫ, ДИСКУРС» (Россия, Екатеринбург, 20 октября 2017 г.)

Доклады

УДК 327.7

ЕВРАЗИЙСКИЙ ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОНЦЕПЦИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Березняков Дмитрий Владимирович,

Сибирский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
заведующий кафедрой государственного
и муниципального управления,
кандидат политических наук, доцент,
Новосибирск, Россия,
E-mail: bereznyakov@ngs.ru

Козлов Сергей Васильевич,

Сибирский институт управления - филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
декан факультета политики и международных отношений,
кандидат исторических наук, доцент,
Новосибирск, Россия,
E-mail: feld@ngs.ru

Аннотация

В статье предпринимается попытка охарактеризовать основные типы символических ресурсов, которые можно использовать при осуществлении политики «мягкой силы» Евразийского Экономического Союза. Авторы приходят к выводу, что в существующих условиях наиболее перспективной стратегией является использование

маркетинго-ориентированных технологий, способных нейтрализовать потенциальные конфликты стран, входящих в ЕАЭС.

Ключевые понятия:

Евразийский Экономический Союз, «мягкая сила», альянсы, символическая политика.

С институционализацией в январе 2015 г. Евразийского Экономического Союза процессы интеграции на постсоветском пространстве приобрели качественно новое измерение. Можно констатировать факт формирования нового международного альянса, дальнейшее развитие которого предполагает не только политическое и экономическое измерение (на чём обычно делают акцент как сами политики, так и представители научного и экспертного сообществ), но и культурно-символическое, самым непосредственным образом связанное с феноменом «мягкой силы».

Безотносительно к многообразным трактовкам самого феномена «мягкой силы» [2; 4; 5], она всегда рассматривается как совокупность методов и технологий, используемых суверенным государством, реализующим свои национальные интересы посредством ресурсов идеологической (а не политической или экономической) власти в терминологии М. Манна [3].

В этой связи необходимо аналитически различать два принципиально разных, но внутренне взаимно обусловленных процесса: с одной стороны – реализацию политики «мягкой силы» самими государствами-участниками ЕАЭС, а с другой – необходимость формирования подобной политики альянса в целом. Эта ситуация самым серьёзным образом проблематизирует традиционные государствоцентричные модели политики «мягкой силы», которые применялись на рубеже XX–XXI веков.

Ключевой момент, который определяет специфику формирования политики «мягкой силы» на евразийском пространстве, связан с необходимостью выработки символических моделей, легитимирующих не только формирующиеся новые национальные государства, но и вписывающие процесс евразийской интеграции в глобальный геополитический контекст. В свою очередь, необходимость в новых моделях символической политики (и политики «мягкой силы» как её частного случая) связана с тем обстоятельством, что два первых постсоветских десятилетия вошедшие в новый альянс страны решали в первую очередь свои собственные проблемы, а существовавшие доселе интеграционные объединения были в первую очередь формами «цивилизованного развода» новых суверенных государств. В новых обстоятельствах встаёт иная задача – создание новой конструкции идентичности, коллективного «мы» вновь учреждённого Союза, который претендует не только на решение вопросов экономического характера, но и должен быть скреплён общими культурно-политическими конструкциями, вписанными в проект коллективного будущего.

Символические ресурсы, которые могут быть использованы для формирования коллективной идентичности и «мягкой силы» самого ЕАЭС как международного альянса, можно условно разделить на несколько блоков: 1) советское;

2) евразийское; 3) национально-государственное; 4) технологическое. Ниже мы охарактеризуем потенциал каждого из этих блоков на предмет их перспективности как конструктивных ресурсов, которые можно использовать при реализации Евразийского интеграционного проекта в аспекте «мягкой силы».

1) Все входящие в состав ЕАЭС страны являются бывшими республиками СССР. Подчеркнём, что роспуск Советского Союза не означал одномоментного отказа от советского наследия. Культурный опыт, повседневные практики и общая коллективная память, сформированная за 70 лет существования этого государства, сохранились. В условиях постсоветской дезорганизации одним из важнейших скрепляющих бывшие советские республики факторов оказалась надэтническая городская русскоязычная культура, которая явилась продуктом советского модернизационного проекта. Вместе с тем формирование собственных национальных государств везде сопровождалось дистанцированием от советского наследия, которое часто маркировалось как имперское. И для современных политических и культурных элит апелляция к советскому имеет ярко выраженные отрицательные коннотации, поскольку противоречит проекту формирования собственных национальных идентичностей. Кроме того, принципиально важным моментом является фактор социализации новых постсоветских поколений, для которых советские культурные коды и некогда общие нарративы лишены актуальности и не могут выступать формирующими их постсоветскую идентичность.

2) Само название нового интеграционного объединения отсылает к концепту «евразийство». Он претендует на то, чтобы выступить заменой носившей наднациональный характер советской идентичности. Если «советское» рассматривается как наднациональное и имперское, то «евразийское» может пониматься также как наднациональное, но лишённое имперских коннотаций. Вместе с тем, анализ актуальных форматов культурных политик стран ЕАЭС демонстрирует то обстоятельство, что только в одном из пяти государств, ныне входящих в этот международный альянс, а именно в Казахстане, евразийство востребовано как некая культурно-идеологическая рамка, являясь одним из системообразующих элементов государственной идеологии, и институционализировано в разного рода форматах (от создания кафедр евразийской интеграции в вузах до присутствия в «Концепции внешней политики Республики Казахстан» и «Стратегии «Казахстан-2050»). Для других членов альянса евразийская идентичность является искусственной конструкцией, не обладающей скольконибудь серьёзным мобилизационным потенциалом. Риторика евразийства, как правило, используется ситуационно, для решения текущих государственных задач, и не переходит на уровень внутри государственной институционализации, подобно казахстанской.

3) Гипотетически для формирования «мягкой силы» ЕАЭС как альянса можно использовать символические ресурсы тех государств, из которых этот альянс состоит. В первую очередь речь может идти о России, которая в этом альянсе является доминирующим актором. Однако в такой ситуации возникает проблема доминирования державы-гегемона, стремящейся навязать своим союзникам собственное понимание коллективного «мы» конкретного альянса, которое может идти вразрез с представлениями младших партнёров. Это усугубляется тем фактом, что держава-гегемон может искать способ компенсировать

свои издержки по обеспечению безопасности и совместной экономической политики в символическом плане. Поэтому сфера «мягкой силы» альянса – это сфера латентных и потенциальных конфликтов между участниками альянсов, основанных на их собственных культурно-политических традициях и формирующихся новых национальных идентичностях. Применительно к ЕАЭС речь можно вести об опасениях малых стран-участниц безусловного доминирования России в символическом плане, что приведёт к тому, что они будут рассматриваться внешнеполитическими партнёрами не в качестве самостоятельных игроков, а лишь как сателлиты России.

4) Ещё один блок ресурсов, который вполне возможно использовать при продвижении проекта евразийской интеграции в формате ЕАЭС, связан не с проблемами конструирования (над) национальных идентичностей макрополитических сообществ, а с технологическими моделями конструирования брендов, в основе которых лежит логика современного маркетинга и менеджмента. Ключевая особенность этой логики состоит в том, что она способна деполитизировать и нейтрализовать потенциально конфликтные отношения стран, входящих в ЕАЭС. Именно эта логика доминирует на технологическом уровне реализации «мягкой силы» и фактически присутствует во всех рейтингах, которые её измеряют. Подчеркнём, что дискурс, используемый для описания «мягкой силы», зачастую носит экономикоцентричный характер, что связано с тем, что данная концепция появляется в эпоху господства неолиберализма как нарратива, задающего словарь для концептуализации мир-системных трансформаций рубежа XX–XXI веков. Его ключевой особенностью является апология рынка как пространства максимизации прибыли и минимизации затрат рациональными акторами, будь то ТНК или национальные государства. Международные отношения в его рамках понимаются не как поле идеологических и ценностных конфликтов суверенных Левиафанов, а как сфера конкуренции акторов, использующих инструменты идеологически нейтрального менеджмента и маркетинга. Соответственно отдельные страны рассматриваются как аналоги товаров, бренды которых продвигаются при помощи технологий национального маркетинга, определяемого Ф. Котлером как «систематический подход, имеющий целью помочь амбициозным нациям сделаться заметными и достичь своих имиджевых целей рентабельным способом» [1, с. 18].

Таким образом, блок технологических ресурсов «мягкой силы», который носит деполитизированный, рыночно-ориентированный характер, потенциально способен снимать и маргинализировать политико-идеологические конфликты, которые могут реализоваться при использовании других охарактеризованных выше блоков. В этом смысле «мягкая сила» ЕАЭС для того, чтобы быть эффективной, действительно, должна быть центрированной на его экономической сути, переведённой в формат современного культурного маркетинга и странового брендинга.

1. Паршин П. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России // Аналитические доклады Института международных исследований МГИМО (У) МИД России. 2013. Март. Вып. 1 (36).

2. Русакова О.Ф., Ковба Д.М. Стратегические модели «мягкой силы» стран восточноазиатского региона // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС.

2016. № 2. С. 14–29.

3. Mann M. The sources of social power. V. 1. A History of Power from the Beginning to AD 1780. New York: Cambridge University Press, 2012.

4. Soft Power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ / Под ред. Е. Борисовой. М.: Флинта; Наука, 2015. – 180 с.

5. Soft power: теория, ресурсы, дискурс / Под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи», 2015. – 376 с.

References

1. Parshin P. Problematika «myagkoj sily» vo vneshnej politike Rossii // Analiticheskie doklady Instituta mezhdunarodnyx issledovanij MGIMO (U) MID Rossii. 2013. Mart. Vyp. 1 (36).

2. Rusakova O.F., Kovba D.M. Strategicheskie modeli «myagkoj sily» stran vostochnoaziatskogo regiona // Politicheskaya e'kspertiza: POLITE'KS. 2016. № 2. S. 14–29.

3. Mann M. The sources of social power. V. 1. A History of Power from the Beginning to AD 1780. New York: Cambridge University Press, 2012.

4. Soft Power, myagkaya sila, myagkaya vlast'. Mezhdisciplinarnyj analiz / Pod red. E. Borisovoj. M.: Flinta; Nauka, 2015. – 180 s.

5. Soft power: teoriya, resursy, diskurs / Pod red. O.F. Rusakovoj. Ekaterinburg: Izdatel'skij dom «Diskurs-Pi», 2015. – 376 s.

UDC 327.7

THE EURASIAN INTEGRATION PROJECT IN THE LIGHT OF THE “SOFT POWER” CONCEPT

Bereznyakov Dmitry Vladimirovich,

Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Head of Public Administration Department,
Novosibirsk, Russia,
E-mail: bereznyakov@ngs.ru

Kozlov Sergey Vasilevich,

Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Dean of Politics and International Relations Faculty,
Novosibirsk, Russia,
E-mail: feld@ngs.ru

Annotation

The article seeks to define main types of symbolic resources which can be used in implementing “soft power” policies of the Eurasian Economic Union. The authors conclude that in the present conditions the most promising strategy involves reliance on market-focused technologies capable of neutralizing potential conflicts between EEC countries.

Key concepts:

the Eurasian Economic Union, “soft power”, alliances, symbolic politics.